

ЦЫГАНСКИЕ СУДЬБЫ

Изг. Москва. - 1991. - 20 экз.

26 декабря московский цыганский театр «Ромэн» отмечает свое 60-летие. Биография театра — это судьбы людей, навсегда связавших с ним свою жизнь, отдавших ее родному театру. К сожалению, многих и многих уже нет — их имена незабвенны для ромэновцев, для всех, кто любит цыганское искусство. Но, слава Богу, здравствует еще и плодотворно работает целая плеяда замечательных ромэновцев старшего и среднего поколения. **А. П. Василькова** — в их ряду.

Этой публикацией редакция «ВМ» поздравляет Любовь Петровну с 70-летием.

Была осень 1934-го. Артисты театра «Ромэн» приехали тогда с концертами в Смоленск.

И зная, что где-то неподалеку от города, на станции Серебрянка, существует цыганский детский дом (это был особый дом — цыганских детей старались здесь отлучить от кочевой хотя бы на время учебного года, и, пока их родные где-то странствовали в кибитках по холодным осенне-зимним дорогам, цыганские ребятишки учились грамоте), конечно же, артисты цыганского театра помчались разыскивать этот детский дом. На встречу с ребятишками тогда в первый раз приехали Сантина Андреева, Василий Бизев, Иван Хрусталеv, Семен Бугачевский, Александра Тимофеева и другие.

Сколько же было радости для тех и других! И навеки поверила 13-летняя Люба Василькова, смоленская цыганочка, как и все цыганские детдомовские дети, что «Ромэн» в Москве — это что-то очень родное, дорогое и важное для всех цыган и что их собственная судьба тоже не безразлична ромэновцам.

И когда потом через два с половиной года приехала Люба в Москву и поступила в педагогическое училище имени Тимирязева, то в первый же вечер побежала в «Ромэн». В тот раз показывали спектакль «Жизнь на колесах». Так и пошло: каждый день — учеба, каждый свободный вечер в выходные дни — театр. Прочувшись два года в училище, 17-летняя Люба Василькова решила показать художественному совету театра. Это было 13 октября 1938 года. На просмотре были и Ляля Черная, и Иван Иванович Ром-Лебедев, и Мария Васильевна Скворцова, и Семен Михайлович Бугачевский, и другие вместе с Михаилом Михайловичем Яншиным, который был тогда в течение пяти предвоенных лет главным режиссером театра.

Волновалась страшно, что пела и плясала — не помнит, но принята была единогласно — за свою самобытность, за страстное желание стать актрисой.

С того дня «Ромэн» стал для нее всем — домом, школой жизни, судьбой. Жили все тогда трудно. Другой раз и ночевать приходилось где-нибудь на полу в общей грим-уборной, но счастливей тех лет уже не было.

Я спрашиваю Любовь Петровну, кого больше всех она помнит и любит в театре тех лет.

— Конечно, Сантину Ивановну Андрееву, родную сестру Ивана Ивановича Ром-Лебедева. Это был удивительный человек. Вы знаете, ведь тогда с нами рядом была целая обойма замечательных людей и актеров, которые жгуче-преданно любили театр. И только то, что они

были рядом, уже было для нас, молодых, университетом. Но другого такого человека, как Сантина Ивановна, не было — это была наша общая мама, наша старшая сестра, наш духовный воспитатель. Столько, сколько она отдавала нам, молодым, — причем не по обязанности, а по сердечному велению, потому, что она не умела иначе, — не было больше другого такого человека, как она. Я и по сей день молюсь о ней, пусть земля ей будет пухом.

— Вообще-то я, как обезьянка. — продолжает Любовь Петровна. — брала у каждого что-то для себя. «Плечами работать» меня учила сама Шура Тимофеева да еще Лина Чиженко. Все знают — лучше них это никто не умел делать, но каждая по-своему.

Не могу сказать, что голос у меня какой-то особенно был красивый, но зато диапазон широкий. Семен Михайлович Бугачевский всегда в хоре первую партию отдавал Валентине Вербицкой и мне. И я никогда не подводила, я люблю петь. Петь в хоре или играть роль для меня — одна и та же радость. Даже не знаю, что больше.

Война застала артистов театра на гастролях в Свердловске. И начнутся долгие дороги и концерты для фронта. В Москву они вернутся окончательно только в 1943 году. И свалится на уже 22-летнюю Любу Василькову страшная весть: ее родителей вместе со всем населением двух цыганских колхозов на Смоленщине фашисты зверски уничтожили: одних в душегубках за связь с партизанами, других просто так, только за то, что они цыгане, закопали живыми, всего 180 человек. Слава Богу, живы остались младшая сестренка, которая была эвакуирована с детским домом, и 16-летний брат Егор Васильков, которого Люба брала с собой на гастроли, — любимец труппы, все звали его — Зоря. С тех пор «Ромэн» окончательно стал для Любы буквально всем — и прежде всего домом, семьей.

За 53 года работы в театре сыг-

рвано множество ролей — самых разных. Когда спрашиваешь Любовь Петровну, какая из них самая любимая, — она таряется:

— Да все они были и есть любимые! Мне кажется, это так понятно: если ты любишь театр, свою профессию, то невозможно что-то с холодным сердцем делать. Ну, может быть, с особым чувством вспоминаю свою Татьянку в спектакле «Девушка счастье искала», Витору в «Сломанном кнуте», Зорицу и Мусту в «Четырех женихах». Сейчас с удовольствием играю Луцилиху в спектакле «Цыган» по А. Калинину.

— Сегодня, когда вам исполнилось 70 лет, что особенно радует и печалит вас?

— Печалит то же, что и всех остальных людей нашей многострадальной страны. Я мать, я бабушка, и я не могу не волноваться, как нам всем выжить в эти трудные годы. Как актрису печалит, что не все молодые так одержимы театром, как были мы в нашей молодости. А, может быть, мне это только кажется, как всегда старикам.

А радует бесконечно прежде всего то, что мы есть. Есть наш «Ромэн» со всеми моими товарищами, прекрасными актерами, — наш дом, наша жизнь.

Радует, что меня любят и помнят, что я играю на сцене роли, пою в хоре и танцую в массовке — значит, нужна! Театр — это моя самая главная радость, это моя жизнь! И пусть наш «Ромэн» живет — здравствует всегда!

Я радуюсь, что есть такой человек, как Николай Сличенко. Для цыган всего мира, для всех русских людей «Ромэн» — это Ляля Черная и Николай Сличенко. Посмотрите, какие два красивых имени! Их знают и любят все. И подумайте, какое счастье, что 40 лет назад 16-летний Коля Сличенко пришел в «Ромэн»! И не предал его, когда всенародная любовь и слава свалились на него, не ушел на эстраду, хотя было время, когда буквально из каждого окна лился его голос. Не ушел на эстраду, а отдал и отдает свою жизнь до конца родному театру. Я тоже думаю: уйди он тогда из «Ромэна», и судьба театра могла вернуться по-другому. Спасибо ему! И мир увидел наш единственный цыганский театр — Япония, Югославия, Франция, Индия, Турция и другие страны, и мы увидели мир — спасибо ему, дай Бог ему здоровья!

Когда у нас идет «Живой труп», я, как к празднику, готовлюсь, ведь там я пою не просто в цыганском хоре, а в том именно, что описан у Льва Николаевича Толстого, и Федор Протасов — Сличенко нас слушает...

И это действительно так. Могу засвидетельствовать. Для этого надо только посмотреть наши спектакли, где занята Любовь Петровна. Это «Мы — цыгане», «Живой труп», «Горячая кровь» и другие.

В любом хоре вы неизменно услышите этот сильный, своеобразный голос, и он заденет обязательно какие-то струны вашего сердца. И в любом самом массовом танце вы выделите Любовь Петровну Василькову — это слишком самобытная, яркая, запоминающаяся личность.

Сегодня ей 70 лет. Она полна сил и энергии, это очень цыганская женщина, для которой «Ромэн», как и для многих других, стал судьбой.

Галина САВЧЕНКО.

НА СНИМКЕ: А. П. ВАСИЛЬКОВА.